

Л.В. СКВОРЦОВ

**ПРЕДИСЛОВИЕ:
КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ
И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ**

XXI век ставит современную цивилизацию перед *беспрецедентными вызовами*. Необычность этих вызовов связана с открытием скрытых угроз в традиционных опорах жизни.

Исторически человек утверждал основания своего цивилизационного бытия в преодолении сопротивления со стороны природы. Цивилизация родилась как *укрощение природы*. Формы цивилизации – это вариации природы, приспособленной путем обработки к основным потребностям человека. *Жилище* – это создание недвижимого барьера на пути природных – температурных, климатических, и иных – воздействий на человека. *Пища* – это отделенная и приготовленная для потребления часть природы. *Одежда* – это располагающаяся на человеке обработанная определенным образом природа, приспособленная для его ограждения от внешних воздействий.

В этом контексте культ – это вера в возможность духовного превращения сил природы из сил зла в силы общего блага.

Формирующиеся между человеком и создаваемой средой ответственности образуют цивилизацию как целостность гармонии внутреннего поля бытия человека, которая начинает воспроизводить себя в константных формах. Цивилизация обретает свои константы и стабильность, за пределами которых оказывается безотносительная нецивилизационная объективность.

Посредником между человеком и безотносительной объективностью становятся исторически формирующиеся и кумулятивно совершенствующиеся на основе опыта и науки *техника и технология*. Они являются продуктом свободы творческих усилий человека.

Вместе с тем свобода заключает в себе то абсолютное начало, которое определяет реальность возникновения неожиданных метаморфоз бытия.

Цивилизация содержит в себе как потенцию неожиданных метаморфоз, так и фундаментальные зависимости человека от тех рамок, которые формируются качествами техники и технологии.

Слияние свободы и необходимости в бытии цивилизации – это основание истины *закона свободы*, в соответствии с которым человек признает свое подчинение высшим смыслам как высшим силам цивилизационной жизни. Действие закона свободы находит свое отражение уже в пантеоне языческих богов, не способных мириться с возможностью достижения человеком свободы от их господства. Так, самосознание человека через посредство культа ограничивает собственную свободу. И это ограничение есть истина бытия, которая, однако, заключает в себе потенцию не-истины. Миф отражает эту амбивалентность бытия человека.

Языческие боги подвергают жестокому наказанию Прометея, научившего человека различным ремеслам и умению обращаться с огнем. Человек посредством совершенствования технических знаний может делать то, что было доступно языческому богу. Это означает неизбежность изменения культа.

Новая религия дает ответ на коренной вопрос: *какой должна быть новая тварь?* То есть какую сущность должна обрести природная оболочка человека, чтобы приобщиться к *сакральности*, которая превращает людей в носителей цивилизации и охранителей высших духовных ценностей как ценностей «не от мира сего». Новый культ помещает основание цивилизации в *качества человека*.

В своей исходной форме человек, приобщенный к сакральности, – это *нравственный образец*, указатель истинного пути. Выбор истинного пути, указанного нравственным образом, – это свободный выбор. И в этом выборе *каждый* обретает свою свободу, которая радикально отличается от обретения человеком свободы через посредство овладения техникой и технологией. Овладение техникой и технологией формирует самосознание, нацеленное на достижение *господства*. Господство диктует признание уникальной великой личности и приоритета рационального расчета, рождающего скептическое отношение к истине сакральности как цивилизационному критерию. Овладение знанием означает овладение силами

природы и духовное восхождение человека-гения на те освободившиеся пьедесталы, которые занимали языческие боги. Великий человек воспринимает *себя* в качестве *вершины* творения.

Сакральность с ее абсолютизацией нравственных установок представляется *препятствием* на пути великой личности к достижению господства.

В связке человек–техника и технология происходит скрытое возрождение в формах массового поведения, образе жизни языческих представлений, переход от первоначальной аскезы напряженной деятельности к гедонистической установке жизни.

Эта связка стала очевидным выражением *общего блага*, настолько очевидным, что ее как бы перестали замечать, наподобие того, как не замечают общего блага чистого воздуха до тех пор, пока он остается чистым.

Парадоксальность современной ситуации как раз состоит в том, что в бесспорном и очевидном общем благе, ключевом условии сохранения и совершенствования цивилизации, стали обнаруживаться явления, угрожающие ее существованию.

Эрозия сакральности, превращение нравственного образца из феномена ориентира жизни в феномен повествования священной истории порождали парадоксальные явления нравственного скольжения человека в низ духовной лестницы. Этот процесс первоначально не воспринимался как фатальное явление. Серьезные сомнения возникают в процессе и после Первой мировой войны. Пулемет, танк, иприт – порождения техники и технологии, в которых содержалась какая-то новая деструктивная потенция. Но ведь война – это явление, присущее истории. Можно ли рассматривать появление новых средств ведения войны как необычное явление?

Симптомом необычности этих средств было их *массовое* воздействие. И это воздействие порождено *научным знанием*. И все же цивилизация смогла пережить пулемет и иприт.

Середина XX в. внесла дополнительное качество в постановку этого вопроса. Это качество определили две атомные бомбы, сброшенные на японские города – Хиросиму и Нагасаки. Вклад в победу над японским агрессором во Второй мировой войне (очевидное благо, рожденное новой технологией и новой техникой) обнаружил реальную техническую возможность полной самодеструкции цивилизации.

Открывался ли тем самым «дьявольский лик» техники и технологии или же это перенесение на технику и технологию следствий нравственного падения цивилизации? От ответа на этот вопрос зависит очень многое. Речь идет об осмысленном выборе пути. Нельзя не видеть, что повсюду в мире в общественном сознании техника и технология перестают восприниматься как безусловные носители блага; начинается подспудный сдвиг от рационализма в сторону поиска иных опор жизни. И это – сдвиг в сторону природы как нравственного антипода техники. Теперь человек «прозревает» и видит в природе те чудесные спасительные качества, которые нужно сохранить, чтобы обеспечить собственное выживание.

Природа – *партнер* человека по выживанию. Но признание этого требует коррекции взгляда человека на самого себя.

Если человек видит истину бытия в своем природном начале, то тогда не должно казаться страшным его самопревращение в пещерного человека. Мы уже видим лики ирокезов на наших улицах, тела и лица покрытые татуировками и проколотые металлическими изделиями. И, видимо, это лишь первые шаги в сторону новых-старых форм бытия.

Как можно объяснить эти «чуждачества»?

Став вершиной пирамиды, равной по своему могуществу языческому богу, человек создал условия для собственного самоуничтожения. В своей безграничной силе человек обнаруживает и безграничную нравственную слабость.

Открытое признание этого вывода влечет за собой состояние неопределенности и страха, нарастающих ощущений приближения к окончательной развязке.

Возникают попытки найти ответ на возникающие вопросы путем обращения к исторической памяти, разного рода ассоциациям, намекам, философским конструкциям, а также фрагментарным практическим предложениям, из суммы которых может сложиться нечто достаточно цельное и определенное.

Фрагментация общественного самосознания может оцениваться как очевидное проявление цивилизационной *паники*, утраты оснований гармонии бытия. Фрагментарность современных цивилизационных суждений отталкивается от ближайших человеку реалий современной жизни, жизненного мира человека. Из чего складывается современный жизненный мир? Из странной смеси традицион-

ных форм бытия с его новейшими выражениями, порожденными современной техникой. И здесь благо и зло сплетаются причудливым образом в многочасовых стояниях в автомобильных пробках, в формировании всеохватывающего электронного контроля за поведением людей, в рождении мира виртуальных интернет-корреспондентов, новых возможностей изменения естественной природы человека, таких как пластические операции, трансплантация органов и даже изменение пола. Возникает перспектива клонирования человека.

Тем самым человек ставится в ряд с теми животными, которые стали объектами новейших генетических экспериментов. Не значит ли это, что представления человека о себе самом как вершине творения, имеющей право на господство в мире природы, являются очередной иллюзией и нужен новый взгляд на самого себя.

Человек не хочет отречься от себя и своей исключительности, но он не может отречься и от логики, которая диктуется фактами жизни.

Человек оказывается неспособным давать однозначный ответ на встающие перед ним вопросы. Его собственный разум начинает следовать странной логике самоотрицания. Эта ситуация воспроизводит ситуацию философии, прошедшей многовековой исторический путь. Человек обретает философскую ментальность, даже не владея историей философии.

Если человек в своих повседневных жизненных построениях сталкивается с необходимостью утверждать и отрицать одно и то же, в одно и то же время и в одном и том же месте, то он оказывается в ситуации интенсивного внутреннего напряжения и стремления освободиться от него любыми средствами. При этом в отношении данной реальности жизненной ситуации любой определенный выбор представляется неистинным.

Не имея определенных ответов в конкретных жизненных ситуациях, человек оказывается неспособным дать ответ и на известный гамлетовский вопрос: «быть или не быть?».

Каким может быть выход из этой ситуации? Этот выход – в реальности, в которой существует возможность получения однозначных ответов на возникающие нравственные вопросы. С этим и связано обращение к историческому опыту.

В истории духовной жизни такая возможность создавалась в творчестве мистиков, интерес к которым парадоксальным образом возрастает в современной ситуации.

Мистики видели исток духовных и интеллектуальных противоречий в «соблазнах» земных вещей, побуждающих к тому, чтобы многое иметь и длительно наслаждаться. Это ли не ситуация современного потребительского общества? Видимость устойчивого блага и порождает зло в жизни. Проблема здесь состоит в том, что видимость достижения устойчивого блага отождествляется в сознании человека с подлинностью истины жизни, тогда как невозможность получения суетных почестей и удовлетворения чванливого высокомерия воспринимается как причина великой печали.

Прорыв к истине жизни, с точки зрения мистика, происходит тогда, когда сердце человека, отчуждаясь от земного, обретает совершенную легкость, а душа – полную свободу, а все чувствования освобождаются от печали и заботы. Эта позиция отстаивалась Мехтильдой Магдебургской, которая прошла искушения как аристократической жизни, с ее красотой и богатством, так и отлаженного порядка богатого монастыря. Она приходит к выводу, что «подлинно святой человек страшится более земного счастья, чем заботится о своих земных жизненных потребностях. Почему? Его жительство на небесах, а заточение в мире сем»¹.

Таково радикальное воссоздание истины бытия путем осознанного выхода из мира искушений земной жизни. Но не означает ли это субъективного исключения себя из действительности?

Две реальности – сей мир и мир на небесах – отличаются своей действительностью. Земной мир реален, но он лишен качества подлинности, а значит, и действительности. Жизнь на небесах имеет качество подлинности, а значит, это и есть для души человека действительный мир.

Соединение с действительным миром происходит путем самоотожествления с Христом, который через великую скорбь и великие страдания указал путь к истине. «Насколько мы здесь терпим бедность, презрение и муку, настолько мы уподобляемся истинному сыну Божию...»

¹ Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет божества. – М.: Наука, 2008. – С. 190.

Насколько мы в святой простоте подлинно умеренны и благоразумны, настолько мы уподобляемся Святой Троице, каковая есть истинный Бог, творящий все свои деяния по упорядоченной мере и творящий сие донныне»¹.

Таким образом, механизм самоотождествления с сакральностью обеспечивает сохранение единства расколотой цивилизации. Вот почему Мехтильда Магдебургская обрушивает гнев своей критики на тех служителей церкви, которые изменили истине Христа.

Чем интересна Мехтильда Магдебургская, жившая в XIII веке, современному сознанию? Тем, что для нее мистика – это не сумма абстрактных рассуждений, а *образ жизни*. Оказывается, возможно выстроить последовательный внутренний мир посредством самоотождествления с сакральной реальностью, перевоплощения на ее основе и изменения типа своего поведения в повседневной жизни. Так возникает действительное инобытие, соответствующее логике самоотождествления с сакральностью.

Мистика влияет на образование орденов, объединяющих рыцарей, приверженных определенным сакральным принципам. Так возникает новая социальная реальность, влияющая на жизнь всего общества.

Но возможно ли реальное формирование инобытия по отношению к *современной* экономике, политике и современным социальным отношениям? Как оказывается, прогресс информационной техники создает такую возможность. Сращение человека с компьютером позволяет уйти от мира реальных взаимоотношений и взаимодействий в *мир игры*, как особый тип субъект-объектного бытия, в котором происходит уход от всех конфликтов реальной жизни, уход от цивилизационного пространства – семейных, групповых, профессиональных, клановых, производственных отношений, и от цивилизационного времени, от долга перед историческим прошлым и историческим будущим. Это – обретение специфической свободы в точке виртуального бытия здесь и теперь.

Коль скоро происходит массовое сращение человека с компьютером, возникают и формы виртуального общения и взаимодействия. Рождается *социум киборгов*.

¹ Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет божества. – М.: Наука, 2008. – С. 215.

Образование социума киборгов формирует новый взгляд и на историю философии и на философию. С одной стороны, в истории философии самой по себе видят замещение современной философии, своеобразный *плюралистический ответ* на мозаичность и противоречивость современной ситуации. С другой стороны, в историко-философском плюрализме усматривают отсутствие научной строгости, точности и конкретности, в силу чего предлагают заменить ее качественно новой *философией информации*, которая предлагает решать нравственные проблемы бытия с помощью компьютера. Компьютер должен заменить собой нравственные максимы Священного Писания, и в этом заключается его принципиальная, освобождающая сознание от сомнений и противоречий, роль. Очевидно, что эти точки зрения побивают сами себя в своем взаимном отрицании. Современная цивилизационная истина видится не в принципах и не в фактах, взятых сами по себе, а в метафорических образах, обозначающих направленность правильного поведения в современной жизни. Это – конструкты, дающие ориентиры стратегии образа жизни.

Так, образ *кентавра* – это образ соединения человека с природой. Образ *киборга* – образ соединения человека с техникой. Что означают эти ключевые метафоры, определяют ли они пути сохранения современной цивилизации?

Образ кентавра означает возможность и необходимость соединения человека и животного в качестве приоритетной цивилизационной задачи, а значит, и коренную переоценку фактора природы в сохранении цивилизации. Органический союз с животным – это новый взгляд на сущность цивилизации как системы дружеских отношений с животным, равновеликих человеческим отношениям. Тем самым цивилизационная стратегия должна определяться формированием нового гибридного социума, в котором человек и животное находят свое специфическое место, определяющее новый тип их взаимодействия в цивилизационном целом. В этом взаимодействии безотносительная объективность включается в поле внутреннего бытия и становится составным элементом создаваемой гармонии, в которой человек и не-человек находятся в симметричном отношении. Это значит, что образ кентавра при всей его метафоричности может играть роль специфического духовного толчка

для формирования нового отношения к животному миру, к природе в целом, массовым экологическим движениям.

Однако неверно рассматривать отношения человека и животного с однозначных позиций. В действительности это сложный танец двух партнеров с неопределенным конечным результатом.

Образ киборга, в отличие от образа кентавра, ориентирует на стратегию очеловечивания техники и технологии. Как кажется, техника и технология могут изменить свое качество и вернуть себе безграничное доверие в том случае, если они будут следовать нравственным законам, органически сольются с человеком, придавая ему новые физические и интеллектуальные силы и открывая перед ним новые неограниченные возможности.

Особенно многообещающим представляется слияние человека с информационными технологиями. Однако и здесь обнаруживаются амбивалентные следствия, в том числе феномен информации, полного включения человека в мир виртуального бытия, а вместе с тем и драматический отрыв от реальности. Можно, разумеется, представить новый социум и как сочетание двух социумов – социума кентавров и социума киборгов. Это – две утопии, которые с разных сторон отражают тенденции эволюции современного общественного сознания.

Эти тенденции оказывают влияние и на различные области гуманитарного знания. Речь идет не только об анализе новых форм отношений человека и животного, человека и машины, но и о необходимости новых методологических подходов к анализу фундаментальных и прикладных проблем гуманитарного знания.

Как представляется, гуманитарное знание сталкивается с новым объектом своего исследования. Это – *кибернетический объект*, в котором взаимодействующие части постоянно изменяют свои роли и функции, порождая новые ситуации, требующие нахождения новых решений. Новые решения могут выступать в форме социокультурных конструкций, отвечающих запросам конкретных ситуаций.

Как оценивать такие социокультурные конструкции с точки зрения теории истины? Возникает необходимость новых методологических подходов к современной цивилизационной реальности.

В предлагаемом вниманию читателя очередном выпуске ежегодника предпринимается попытка освещения совокупности теоретических прикладных проблем гуманитарного знания, возникаю-

щих в контексте отношения человека и социума киборгов. Речь, прежде всего, идет об изменении образа науки, интерпретации теории истины, новом толковании культуры и функций культурологии как науки, характеристики профессионализма в современном понимании. Особое внимание уделено происходящим цивилизационным сдвигам, которые находят свое отражение в языке. Возникают новые интерпретации философии языка, в жизнь все шире входят технические языки, на которых раньше могли объясняться только специалисты, обсуждаются проблемы мирового языка и его отношения к языку национальному. Если язык, как утверждал Мартин Хайдеггер, – это «дом бытия», то сегодня речь идет о глубоких процессах реконструкции этого дома с неоднозначными цивилизационными последствиями.

Современная ситуация, различие информационных систем в условиях массовых коммуникаций оказываются основанием для анализа особенностей функционирования терминов, их группирования в тезаурусах, как инструментах информатики, создающей и использующей системы, позволяющие осуществлять автоматическую обработку текстов на естественных языках, а также перевод с одного естественного языка на другой.

На этом пути возникает немало сложных проблем.

Материалы, публикуемые в ежегоднике, отражая общие философские и культурологические проблемы, вставшие в современной ситуации, и освещая конкретные проблемы гуманитарного знания, вместе с тем показывают те реальности, которые таятся в отождествлении принципов жизни человека и животного, и правил функционирования человека и машины. Отношения современного человека и животного претерпевают глубокие изменения. Аналогичным образом иная структура связей характеризует сегодня жизнь человека и функционирование техники. И это ставит перед гуманитарным знанием немало сложных проблем.

Проблема исследования современной цивилизационной реальности, в которой специфическим образом соединяются человек и животный мир, человек и мир информационной техники, выходит за рамки исторически сложившейся системы разделения научных дисциплин.

В гуманитарном знании открывается перспектива сочетания классических и новых дисциплин, рождающего обобщающие нау-

ки, позволяющие исследовать сложные формы воспроизводства цивилизационной жизни, взаимодействия управления, информации и культуры.

Рождение обобщающих наук – явление не новое. Такой наукой стала кибернетика, которая, по выражению Норберта Винера, является наукой о людях, животных и машинах.

Кибернетика, конечно, сама по себе не охватывает той духовной сферы, которая определяет позитивные творческие импульсы свободы человека, нацеленной на формирование глобальной гармонии, которая призвана определить специфическую сущность современной цивилизации.

Это фундаментальный вопрос, от ответа на который зависят судьбы человечества. Поэтому можно говорить о культурологии как науке XXI в., раскрывающей реальные основания сохранения человеческого в человеке.

Благодаря присущей человеку творческой способности, он сохраняет свою ведущую роль в структуре взаимосвязанных отношений люди–животные–машины и, соответственно, именно он как субъект формирует цивилизацию соразмерную и соответствующую его сущности.

Как раз в нарушении этой соразмерности и соответствия коренится угроза для современной цивилизации.

Редакция надеется, что представленные в ежегоднике материалы послужат и обращению внимания исследователей на возникшие цивилизационные проблемы, и в то же время видению тех крайностей, которые представляют опасность не только для основ гуманитарного знания, но и для решения ключевых практических вопросов жизни современного общества.